

АТОЛЛ ФАКАОФО

Небольшой светлый зал был переполнен. Среди разнообразия штатских костюмов выделялись синие кители моряков. Неторопливо осмотрев зал,

капитан-лейтенант Ганешин заметил чьи-то энергичные жесты из дальнего ряда - знакомые приглашали на свободное место. Ганешин стал пробираться к ним между рядами стульев.

- Даже вы прибыли! - сказал капитан второго ранга Исаченко, пожимая ему руку. - Весь флот, что ли, собирается?

- А что? - удивился Ганешин.

- Ткачев выступает с докладом.

- Это какой Ткачев? Тот, что по непотопляемости?

- Наоборот, по потопляемости, - сострил Исаченко. - Командир сторожевого корабля Северного флота.

- Вот как, - равнодушно отозвался Ганешин. - А что за доклад?

- Так он ни шута не знает! - воскликнул Исаченко.

Окружавшие собеседников моряки рассмеялись.

- Ну-ну, просветите, - добродушно улыбнулся Ганешин.

- Сегодня ведь заключительное заседание сессии Академии наук, посвященной морским делам. Ну а Ткачев выловил необыкновенного гада;

командующий приказал ему обязательно довести об этом до сведения ученых. Ткачев - командир смелый, но насчет докладов не любитель... Впрочем, начинается, - оборвал разговор Исаченко, - следственно, сами узнаете.

Раздался звонок председательствующего. На кафедру решительно поднялся среднего роста светловолосый офицер с острым лицом. Орден Нахимова украшал его тщательно отглаженный китель. Моряк обвел глазами

притихший зал и заговорил, в волнении часто и осторожно притрагиваясь к верхнему крючку воротника. Но вскоре докладчик овладел собой.

Ганешин не раз плавал в тех местах и поэтому слушал Ткачева с особенным интересом. Едва только Ткачев произнес: "Мой корабль пять суток патрулировал далеко в открытом море, около тридцать второго меридиана, по-нашему - в четвертом районе", как перед внутренним взором Ганешина встало хмурое, свинцовое море...

Водный простор не чувствовался в холодном, мутном от влажности воздухе. Горизонт был близок и потому таил в себе опасные

неожиданности... Появление германской подводной лодки, шедшей полным ходом в надводном положении, было совершенно внезапным. Очевидно, немцы не предполагали встретить советский сторожевой корабль так далеко от берегов, и пока лодка погружалась, Ткачеву удалось сблизиться с неприятелем.

Над морем пронеслись подобные ударам в гигантский бубен выстрелы, и немного впереди того места, где только что скрылась рубка подводной лодки, встали столбы воды с проблесками красных молний и облачками черного дыма. Это рвались глубинные бомбы, поставленные на небольшое углубление. Опытный истребитель лодок, Ткачев мгновенно определил вероятный сектор нахождения врага и начал забрасывать его бомбами.

Тем временем корабль достиг места, где скрылась подводная лодка. Ткачев приказал прекратить сбрасывание бомб и застопорил машину. Лейтенант Малютин подал Ткачеву наушники гидрофонов, одной рукой продолжая поворачивать рычажок усилителя. Неопределенный шум моря, отдававшийся в гидрофонах, не выдавал присутствия подводного врага. Ткачев понял, что подводная лодка услышала прекращение работы винтов над собой и тоже застопорила моторы.

Кивнув лейтенанту, Ткачев рванул ручку машинного телеграфа, машина заработала полным ходом, винты зашумели в гидрофонах, как водопады. Снова раздался звонок телеграфа. Машина мгновенно остановилась, и в отзвуках движения корабля Ткачев уловил ускользящий, казалось, очень далекий шум винтов подводной лодки.

- Лево на борт!

По-прежнему из глубины неслись равномерные глухие шумы. Ткачев представил себе подводную лодку там, внизу, украдкой пытающуюся ускользнуть, виляя на ходу и стопоря свои электромоторы. Через несколько секунд подводная лодка опять остановила моторы. Шум винтов

смолк. Но Ткачев уже знал пеленг, примерную глубину и направление бегства противника. Быстрые руки минеров установили гидростатические

взрыватели на глубину девяноста метров: взрыв тяжелых глубинных бомб

эффективнее по направлению вверх, чем в глубину. Ткачев поставил ручку

телеграфа на "полный вперед", судно рванулось с места, мощные машины

взбили за кормой огромный пенистый вал. Когда скорость корабля достигла пятнадцати узлов, Ткачев стал поочередно нажимать спусковые

рычаги правого и левого лотков. Каждая глубинная бомба, похожая на бензиновую бочку, мягко шлепалась своей многопудовой тяжестью в пенящуюся за кормой воду, и на ее место важно и медленно подкатывалась

другая. А сверху по лотку непрерывной цепью катились все новые черные

гладкие бочки, такие безобидные с виду.

Сторожевой корабль прошелся по широкой дуге, оставляя за кормой зеленые водяные столбы, уже без огненных проблесков и более низкие. Ткачев следил за распределением взрывов, не переставая рассчитывать размеры завесы и площадь накрытия. "Еще одну, последнюю, для верности,

- подумал Ткачев, нажимая правый рычаг бомбосбрасывателя. - Все равно

никуда не денется. На дно ей не лечь, глубина здесь почти в километр. Попалась!"

Лейтенант, следивший по секундомеру, удивленно пожал плечами. Уже прошло необходимое для погружения бомбы время, а разрыва не было. Ткачев приказал повернуть корабль обратно, чтобы прослушать лодку в покрытой бомбами зоне.

- Гавриленко! - окликнул лейтенант минного старшину. - Вы как поставили взрыватель у последней?

- Точно как у всех: девяносто метров, товарищ лейтенант!

- Должно быть, взрыватель отказал. Странно, это у меня первый случай... - произнес удивленно Ткачев.

В этот момент в полукабельтове справа по носу встал низкий водяной бугор. Едва слышный удар донесся из глубины, сейчас же заглушенный громким всплеском накатившейся на нос волны.

Корабль

качнуло. Ткачев ухватился за поручень, отрывисто бросив:

- Время, лейтенант?

- Две минуты сорок пять секунд, - ответил Малютин.

- Ого! Значит, утонула чуть не на полкилометра, оттого и взрыв такой слабый. Ясно, во взрывателе дефект... Ага, попались! - вдруг вскричал Ткачев, впиваясь глазами туда, где по скатам невысоких волн расплывалось огромное масляное пятно.

Машина затихла, и снова чуткие подводные уши гидрофонов насторожились, следя за борьбой уже подбитой вражеской лодки. Послышался шум винтов, уже не ровный, а прерывистый, смолк, опять возник. "Ну и нырнули! Наверно, заклепки текут", - подумал Ткачев и послал по новому пеленгу еще две бомбы, продолжая следить в бинокль за вспененной поверхностью воды.

- Слева за кормой предмет! - раздался позади голос краснофлотца.

Изумленный несоответствием только что взятого пеленга и местом

всплытия, Ткачев резко повернулся, направил бинокль на смутное красное пятно близ места падения последней бомбы и чуть не отшатнулся от неожиданности. Хрустальный круг бинокля в опаловой дымке приблизил к его глазам очертания гигантского красно-бурого тела среди равномерного колыхания волн. Это было какое-то животное невиданных размеров и цвета. Ткачеву показалось, что у него широкое тело, огромные плавники и могучая круглая шея: голову и хвост скрывали волны. Всего удивительнее была гладкая кожа, местами изборозженная морщинами и складками густо-красного цвета, переходившего в темно-бурый.

- Справа по носу пузыри!

Голос сигнальщика вернул командира к действительности, и Ткачев снова сосредоточился на борьбе с подводным врагом. Тысячи воздушных пузырьков усеяли поверхность волн. Минуту спустя корабль стоял уже над местом выхода воздуха, вслушиваясь в глубину.

Вдруг вода заклокотала от большого количества воздуха, сразу пришедшего снизу. Одновременно в гидрофонах возник короткий, тупой и невнятный гул. Люди молча смотрели. Корабль уже потерял ход и становился лагом к волне. Прошло несколько минут. Последние пузырьки воздуха исчезли. Ни одного звука не доносилось из глубины в гидрофон. Только масляное пятно расплывалось все шире, выравнивая заостренные гребни валов.

Где-то далеко внизу, под поверхностью моря, разбитая лодка, не смогшая всплыть, проваливалась все глубже в пучину, и беспомощное давление воды выжимало из нее воздух и масло. Ткачев дал ход кораблю и подошел к снимавшему наушники Малютину.

- Запишем еще одну, лейтенант, но чтобы окончательно убедиться, подождем немного, послушаем... Да, а как же чудовище? - вспомнил он. - Скорее к нему!

На месте всплытия неведомого животного моряков ожидало разочарование: никакого следа красного чудовища не было уже видно. Холодные волны были пустынно насколько хватал глаз.

Ткачев досадливо потер заслезившиеся от напряжения глаза: "Неужели почудилось? Ну нет..."

- Товарищи, кто еще видел этого... как его... ну всплывшего зверя? - обратился он к команде корабля.

Откликнулись сразу несколько краснофлотцев и старшина Гавриленко,

который клялся, что это не что иное, как морской змей, оглушенный нашей бомбой.

- Нет, не змей, - перебил сигнальщик Епифанов, - я видел: туловище у него толстое, широкое, и лапы есть - какой же змей?

- Ну все равно не рыба и не зверь морской, а гад подводный, - стоял на своем Гавриленко.

Гавриленко предупредил собственную догадку Ткачева, что животное было оглушено или убито бомбой и всплыло на поверхность. "Эх, досадно, что потонул! Поймать бы такое чудо, - подумал Ткачев. - А теперь кто поверит?.."

Словно угадывая невысказанный вопрос командира, лейтенант Малютин отозвался:

- Этот гад из глубины - глубоководное животное, и хлопнула его наша последняя бомба, та, что с испорченным взрывателем. Она ушла на глубину метров в пятьсот, да и всплыл-то зверь около этого места. Может быть, он потонул, а может, и очнулся... Впрочем, я все-таки успел... - И Малютин вытащил из кармана "лейку". - За качество не ручаюсь, а пять раз щелкнул: уж очень занятная зверюга! Удачно, что телеобъектив был ввинчен.

Ткачев восхитился находчивостью лейтенанта, не подозревая, что из-за этих снимков ему придется выступать с докладом в Москве...

Снимки лейтенанта Малютина были проявлены со всей возможной тщательностью, но все же они не получились достаточно отчетливыми: серый день, малая выдержка и красный цвет гада были неблагоприятными совпадениями. Ткачев был вызван к командующему, изложил все обстоятельства дела, показал снимки и получил распоряжение ехать в Москву, на морскую сессию Академии наук.

- Это неважно, - возразил командующий на уверения Ткачева, что никто не поверит. - Мы должны изучать море, мы обязаны оповестить ученых о таком необыкновенном происшествии. Если же ученые не поверят тому, что целая группа моряков видела, нечего тогда на их авторитет полагаться...

Этими шутливыми словами адмирала, под одобрительный гул зала, закончил офицер свой короткий доклад и приступил к демонстрации снимков. Свет потух, и на высоком экране появилось неясное изображение.

Медленно прошли один за другим все пять снимков, но Ганешин так и не смог представить себе зверя: впечатление было ускользающим, неопределенным. Вспыхнул свет. Десятки людей, старавшихся определить животное в зыбких очертаниях снимков, шепотом делились впечатлениями.

Исчезло живое, общее всем людям очарование неизвестного, но осталось что-то. Это что-то, как определил Ганешин, было сознание реальности происшедшего - схваченной, но ускользнувшей тайны моря. Ганешин с удовольствием отметил, как молодо заблестели глаза у сидевших в его ряду почтенных ученых и суровых командиров. Словно в зале пронеслась

мечта, приподнявшая и соединившая самых различных людей.

В президиуме собрания произошло движение. На кафедру поднялся огромного роста старик с широкой седой бородой. Зал стих: многие узнали знаменитого океанографа, прославившего русскую науку о море.

Ученый нагнул голову, показав два глубоких зализа над массивным лбом, обрамленным серебром густых волос, и исподлобья оглядел зал. Затем положил здоровенный кулак на край кафедры, и мощный бас раскатился, достигнув самых отдаленных уголков зала.

- Вот он, наш Георгий Максимович! - шепнул Ганешину Исаченко. - С таким голосом линкором в шторм командовать, а не лекции читать.

- Так ведь он и командовал, - бросил Ганешин.

- Товарищи, - говорил тем временем океанограф, - я очень рад, что мне удалось услышать изумительное сообщение капитана Ткачева. Как нельзя более кстати его доклад пришелся на заключительное заседание нашей сессии. Мы слишком привыкли к существованию неразгаданных тайн

моря, многие вопросы океанографии считаются пока неразрешенными.

Но, я

думаю, всем присутствующим знакомо сообщение отважного американца,

профессора Биба, спускавшегося в стальном шаре - батисфере - на глубину километра. Биб наблюдал огромных животных, проплывавших в

невообразимой тьме перед окнами его батисферы, слишком больших для

ничтожного освещения, которое давал его прожектор, и для маленького поля зрения кварцевых иллюминаторов. Известно ли вам, что незадолго до

войны у восточных берегов Африки была выловлена огромная рыба - латимерия - из породы, давно исчезнувшей с лица земли и считавшейся вымершей уже в древнюю геологическую эпоху, чуть ли не сто миллионов

лет тому назад? И вот теперь неведомый гад, обнаруженный в Баренцевом

море капитаном Ткачевым, дает нам еще одно подтверждение таинственной

жизни морских глубин. Это еще тень, только мелькнувшая перед нами, но от реального, действительно существующего.

Несмотря на войну, флот и наши ученые продолжают расширять знания о море. Но победа уже близка, товарищи, и я надеюсь вскоре увидеть вас на послевоенной морской сессии, когда наши возможности неизмеримо возрастут...

Я обращаюсь к вам, товарищи моряки, от имени науки. Нашему флоту предстоит большое будущее. Вы, вооруженные техническими познаниями и огромной производственной мощью нашей страны, после войны, в спокойных

условиях работы, можете оказать огромную по своему значению помощь науке... - Ученый остановился, шумно вздохнул и загремел сильнее прежнего: - Многие думают, что мы знаем море. О да, конечно, мы хорошо изучили его поверхность. Всем нам известно, например, что в Индийском океане встречаются наиболее крутые волны. Южный Ледовитый океан

отличается гигантскими волнами с необычайно длинными фронтами, а

Атлантический дает самую высокую волну. Мне незачем перечислять вам

успехи океанографии - вы знаете их не хуже меня. Но как только от поверхности океана мы обращаемся к его глубинам, сразу же чувствуется наша слабость.

Конечно, мы знаем общее распределение осадков на дне океана. Изобретение эхолота сразу двинуло вперед изучение рельефа морского дна, и недалеко то время, когда мы будем знать этот рельеф не хуже рельефа суши. Но все дело в том, что само дно океана, строение и состав его коренных пород нам совершенно неизвестны. Я не преувеличу, если скажу, что поверхность Луны мы изучили гораздо лучше.

Представьте

себе океан в виде каменной чаши, налитой водой. Так вот, самую чашу мы совершенно не знаем и не в силах пока осуществить ее изучение.

Моря и океаны занимают семьдесят один процент поверхности нашей планеты. Поэтому геология в своем изучении земной коры вынуждена пока

ограничиться только двадцатью девятью процентами этой поверхности. Неудивительно, что первейшие, основные вопросы геологии, познание которых даст нам подлинную власть над богатствами земных недр, не могут быть решены без исследования геологии морского дна. Нам нужны

глаза и руки в самых страшных глубинах морей. Вы, молодые командиры и

инженеры, подумайте над этим!

Я позволю себе задержать еще на пять минут ваше внимание. В центре Тихого океана, к северу от островов Самоа, есть группа

коралловых островов Токелау, часть которых представлена низкими атоллами - кольцеобразными коралловыми островами, часто с лагуной в центре. Среди вас много молодежи, и я не думаю, чтобы ей приходилось видеть настоящие атоллы. А низкий атолл, то есть остров, очень мало выступающий над поверхностью моря, - это незабываемое зрелище. Как метко выразился один из старых капитанов, низкий атолл - это кольцо непрерывного грохота, тумана и пены от волн, неистово бьющихся вокруг. Белое кольцо пены, накрытое радужной блистающей шапкой преломленных в водяной пыли солнечных лучей, удивительно красиво издали на сияющей голубой глади моря. Но поблизости такой атолл выглядит сурово, а в часы прилива, пожалуй, и страшно. Ровные волны, колеблющиеся вокруг поверхность океана, у самого атолла вдруг

вырастают,
с гулом мчатся и с потрясающим грохотом обрушиваются на атолл. Если же

вам придется побывать на низких атоллах в ураган, запаситесь мужеством. Густые облака погасят солнечный свет, и море сразу станет темным и грозным, изборозженным, словно гневными морщинами, черными

провалами огромных валов. Волны, поднимаясь все выше, ринутся на атолл, затопляя и сокрушая все на своем пути. Лишь один-два небольших участка кораллового кольца останутся незатопленными, и на них, полузадушенный ветром, оглушенный грохотом, ослепленный брызгами,

человек будет искать спасения. Ужас наполняет и неробкие души при виде острова, словно тонущего в страшном одиночестве посреди беснующегося океана.

Так вот, среди низких атоллов Токелау есть атолл Факаофо - небольшой остров, около трехсот метров в диаметре; однако населения на нем шестьсот человек. В прилив от Факаофо над поверхностью моря виден

только плотный серо-зеленый купол густой рощи кокосовых пальм.

Атолл

Факаофо лежит в девяти градусах к югу от экватора, на пути постоянных ураганов. В то время как ураганы затопляют соседние островки, обитатели Факаофо чувствуют себя в безопасности. Бронзовокожие прирожденные моряки-полинезийцы обнесли остров стеной из крупных

кусков кораллового рифа и сделали насыпь в середине, подняв поверхность своего острова почти на пять метров над уровнем прилива. Таким образом, туземцы, лишенные всяких механизмов, создали себе безопасный приют. Какое бесстрашие и глубокое вековое знание океана нужно было иметь, чтобы противопоставить грозной мощи стихии слабые

силы простых человеческих рук!

Атолл Факаофо всегда служит для меня примером могущества человека и его власти над морем. И я рассказал об этом атолле, чтобы показать, чего можно добиться самыми простыми средствами. Неужели же мы, вооруженные всей мощью современной науки и техники, не добьемся окончательной победы над океаном - власти над его глубинами!

Вот все, что я хотел вам сказать. Позвольте мне остаться с надеждой, что некоторые из вас унесут хотя бы мечту о покорении глубин океана. А мечта умного и сильного человека - это уже очень много...

* * *

Мелкий дождь, разгоняемый ветром, порывами налетал на корабль. Горизонт быстро приближался. Свет мерк, словно в воздух сразу вытряхнули огромное количество пепла. Наступала ночь.

Корабль плавно покачивался, равномерно вздрагивая от работы машины. Один из вахтенных заdraивал иллюминаторы штурманской рубки.

Ярко вспыхнул топовый огонь. Ганешин медленно расхаживал по мостику.

Головная боль стихала, как бы растворяясь в сыром и холодном океанском ветре. Эти боли, последствия ранения в Великую Отечественную войну, повторялись еще и теперь, спустя несколько лет. Ганешин прислонился к поручням, вглядываясь в тьму. В неясном смещении мрака и судовых огней выступали белые надстройки корабля.

Стукнула дверь. Настил мостика рассекла широкая полоса света и исчезла. Вышедший из рубки, очевидно, приглядывался к темноте. Он нашел Ганешина и обратился к нему:

- Товарищ капитан первого ранга, опять острая зазубрина. Хотите посмотреть...

- Слушайте, капитан второго ранга, то есть Федор Григорьевич, - перебил Ганешин, - хватит тебе меня величать, говорил уже не раз!..

- Верно, Леонид Степанович, верно! - рассмеялся Щитов, командир гидрографического судна. - Все еще живы привычки военного времени...

Офицеры вошли в ярко освещенную рубку, блестящую полированным деревом, приборами, зеркальными стеклами окон. Переход от холодной темноты и безграничности моря к теплomu уюту помещения был приятен.

Ощущение усиливалось тихими звуками скрипичной мелодии, доносившейся из репродуктора в углу рубки. Мичман, стоявший перед большим циферблатом эхолота, оглянулся на входивших и при виде Ганешина

вытянулся. Ганешин опять усмехнулся: он никак не мог привыкнуть к почтительному вниманию к себе товарищей по работе. Теперь, в мирной обстановке, это казалось ему излишним.

- Продолжайте ваше дело, мичман! - Ганешин сбросил дождевик, зюйдвестку и вынул трубку.

Мичман смутился, тихо ответил:

- Я... я, собственно... просто любовался на него...

- Ага, так вам нравится наш новый эхолот, - одобрительно посмотрел на юношу Ганешин. - А чем, по-вашему, он лучше хьюзовского, последней модели?

- Да как же можно сравнивать! - воскликнул мичман. - Во-первых, диапазон глубин - наш берет любую без всяких угловых смещений; огромная чувствительность; очень точная автоматическая выборка поправок, а главное, главное... сухая запись эхографа и тут же на ленте курсовые отметки...

- Очень хорошо! Я вижу, что вы уже вполне ознакомились с нашим прибором.

- Товарищ Соколов - энтузиаст глубоководных измерений, - вмешался Щитов. - Однако зубчик нужно посмотреть, а то лента уйдет.

Ганешин вынул трубку изо рта и шагнул к большому диску, где в центре горел оранжевый глазок и дрожала тонкая стрелка, окруженная тройным кольцом делений и цифр. Это был указатель глубин эхолота, а под ним, в черной прямоугольной рамке, за блестящим стеклом, медленно, почти незаметно ползла голубоватая лента эхографа - прибора, вычерчивающего непрерывный профиль дна на пути следования корабля.

Звуковые колебания высокой частоты, излучаемые из днища судна, летели вниз, в недоступные глубины океана, и, возвращаясь через сложную систему усилителей, заставляли стрелку колебаться, вычерчивая профильную линию. Мичман поспешил указать соответствующее место ленты.

Здесь, между толстой чертой дна судна и косыми жирными отметками пройденного расстояния и изменений курса, шла плавная линия пологого дна, вдруг прерывавшаяся резким изломом: заостренная подводная вершина поднималась почти на два километра из четырехкилометровой плоскодонной впадины океана.

Ганешин удовлетворенно улыбался:

- За рейс четырнадцать "зубчиков" уже нашли! Не зря я пошел с вами...

- Леонид Степанович, признайся мне по чистой совести, - начал командир судна, - эти подводные "зубчики" тебе для нового прибора нужны?

- Угадал, угадал, Федор Григорьевич! - обернулся к Щитову

Ганешин. - Сядем-ка, а то я по мостику километров двадцать отшагал. Мой новый прибор уже прошел все испытания, и мы с тобой будем его пробовать на работе сразу как вернемся. Могу сейчас рассказать, пусть и мичман послушает - из принципа устройства прибора мы тайны не делаем. Мой прибор приспособлен для того, чтобы видеть под водой на самых больших глубинах, по принципу телевизора. Главная трудность задачи заключалась в освещении достаточно больших пространств, чтобы

из-за огромного поглощения световых лучей в богатой кислородом глубинной воде телевизор не был подобен глазу очень близорукого человека. Я добился хороших результатов тем, что создал "ночной глаз" - прибор, который настолько чувствителен к световым лучам, что ничтожных количеств света ему достаточно для получения изображения. Далее я применил двойной прожектор с двумя совпадающими пучками лучей:

одним - богатым красными и инфракрасными лучами, другим - синими и ультрафиолетовыми. Вы знаете, что вода скорее всего поглощает красные длинноволновые лучи; лучи коротковолновые идут значительно глубже

(ультрафиолетовые доходят до тысячи метров от поверхности океана). Но зато вода с мутью рассеивает свет, и коротковолновые лучи в этом случае легко поглощаются, в то время как длинноволновые лучше пробивают толщу такой воды. Соответственные комбинации самых коротких

и самых длинноволновых лучей в пучке света моего прожектора пригодны

для разных условий, могущих встретиться на глубине. Такой аппарат, опущенный в глубину, передает по кабелю наверх электрическими волнами

изображение, которое превращается в видимое на специальном экране. Угол освещения и угол зрения моего аппарата очень широки; двойные объективы, раздвигаемые, как в дальномере, дают глубокое стереоскопическое изображение. Прибор видит шире и резче человеческих глаз... Что-то у тебя вид разочарованный, Федор Григорьевич, - улыбнулся Ганешин. - Ты думал, мое изобретение в другом роде?

- Нет, нет! - с виноватым видом стал оправдываться Щитов. - Я только не совсем понимаю, что им можно сделать на больших глубинах. Для всяких спасательных работ такой "глаз", разумеется, важен, но в этих случаях глубины невелики и такая сложность ни к чему... Ну, опустили, посмотрели скалу какую-нибудь или рыбищу, и все.

- Для начала и этого много, Федор Григорьевич.

- Так-то так, а дальше?

- А дальше - руки.

- Что такое? - не понял капитан.

- Сперва глаза, а потом и руки, говорю, - повторил Ганешин.

- Но рук-то еще нет?

- Нет, есть, но пока в чертежах еще...

- Эге, - обрадовался Щитов, - хорошо иметь такой клотик, как твой! И я бы не отказался.

- Не знаю, Федор Григорьевич, иногда тяжело, когда бьешься годами над выполнением... - ответил Ганешин, вставая и потягиваясь. - Задумать - одно, а выполнить... Подчас пустяковина с ума сводит... Ну, я пошел. - Ганешин набросил высохший плащ.

- Минутку, Леонид Степанович! - остановил его Щитов. - Скоро Ближние острова, а ты хотел захватить западный край Алеутской пучины.

Остров Агатту уже близко. Где же поворачивать?

- Сейчас не помню, - подумав, ответил Ганешин, - где у них береговой огонь. На мысе Дог, кажется? Видимость его...

- ...восемь миль, - подсказал Щитов.

- Ну, это близко. Тогда по счислению, не доходя двадцати пяти миль.

Дверь за Ганешиным захлопнулась. Щитов и мичман остались вдвоем. Прошло около часа. Лента эхолота неторопливо ползла. Дно постепенно понижалось: уже пять километров глубины было под килем судна.

Механики

с точностью часов держали ход, от равномерности которого зависела точность получаемого профиля дна.

Щитов долго курил, размышляя о личной судьбе группы людей, когда-то спаянных великой войной. То ли был слишком крепок табак, то ли он курил очень жестоко, но скоро Щитов ощутил знакомую боль в груди

и вышел на мостик. Дождь все еще не кончался, порывы ветра по-прежнему

срывали и вспенивали гребни волн. Вдруг Щитову показалось, что далеко впереди, прямо перед носом корабля, что-то блеснуло, мгновенно исчезнув. Почти одновременно послышался хриплый голос вахтенного: "Огонь прямо по носу!"

Понадобилось добрых пять минут, чтобы слабое мерцание превратилось в белую звездочку - встречное судно. Минуты шли, но никакого признака бортовых огней. Не больше двух миль разделяло сближающиеся корабли, когда Щитов скомандовал:

- Внимание, впереди гакабортный огонь!

- Будем обгонять, товарищ капитан второго ранга? - спросил вахтенный помощник.

- Обязательно. Оно едва плетется.

- А как же курс на промере?

- Не беда, немного отклонимся.

Корабли сближались, продолжая находиться в створе кильватера.

Помощник взялся за цепочку гудка - два коротких, низких и сильных звука пронесли над темным морем, рулевой привод застучал, и нос корабля покати́лся влево.

В просторной каюте Ганешина горела слабая ночная лампочка. Ганешин сбросил китель, сапоги и улегся на диван. Раздеваться и забираться на койку не хотелось, да и вставать скоро... Ганешин думал о своем новом аппарате. Глубинный телевизор готов, за результаты окончательных испытаний изобретатель не беспокоился. Этим выполнена первая часть когда-то поставленной им себе задачи. Несколько лет назад старый ученый, которого сейчас уже нет в живых, говорил о победе над океаном, об атолле Факаофо. Он говорил не только о "глазах", но и о "руках"; значит, теперь дело за "руками". Возник образ сложного механизма, всверливающегося, как буровой станок, в океанское дно под наблюдением телевизора и управляемого телемеханически. Основной принцип - работа без всяких герметических закупорок; уже давно изобретены низковольтные, высокоамперные электромоторы, прекрасно работающие в воде. Вода должна быть для этих механизмов такой же естественной средой, как воздух для наших земных машин: тогда не страшно огромное давление - вот в чем здесь секрет успеха!

Отрывистые гудки заставили задрожать переборку. Ганешин машинально прислушался: два коротких - поворот влево. "Кого-то обгоняем..." Встреча судов в открытом море всегда волнует душу моряка. Ганешин вскочил и стал натягивать сапоги.

На мостике Щитов и помощник увидели красный бортовой огонь и выше топового огня - еще более сильный красный свет.

- Тралящее судно, - негромко сказал помощник. - Это не гакабортный был огонь, а круговой топовый, и выше - трехцветный фонарь.

- Вижу, вижу, - отозвался Щитов. - А это видите?.. Вахтенный сигнальщик, ко мне!

На неразличимом еще борту неизвестного судна замелькал огонек. Короткие вспышки чередовались с острыми долгими лучами, вызывавшими ощущение протяжного крика "а-а-а-а".

- Вызывают нас, - буркнул Щитов. - Эге, вот оно в чем дело!

Три короткие вспышки сменились одной долгой: в темноту ночи летели одна за другой латинские буквы - просьба о помощи.

На мостике появился запыхавшийся сигнальщик с ратьеровским фонарем. Одновременно поднялся на мостик Ганешин.

- Скажите Соколову, чтобы остановил эхолот! - распорядился капитан.

Два корабля в океанской ночи некоторое время перемигивались

световыми вспышками: "Риковери", Сан-Франциско - "Аметист", Владивосток.

- У меня есть километр троса кабельной свивки, - пробурчал Ганешину Щитов, - могу им одолжить...

- Очень хорошо! Давайте подходить, может быть, еще чем-нибудь полезны будем...

- Прожектор! - скомандовал Щитов.

По палубе затопали проворные ноги. Мощный прожектор "Аметиста" пробил в темноте широкий светящийся канал. В конце его возникло черное

низкое судно с далеко отнесенной назад трубой. "Пусть стоит на месте, подходить буду я, - подумал капитан. - Не знаю, как они ловки..."

Прожектор потух, сигнальщик быстро выполнил распоряжение, затем "Аметист" снова зажег свет и начал сближаться с неуклюжим на вид "американцем".

- Любопытно! Тоже океанографы, как и мы, - оживленно заговорил Ганешин ("американец" передал световым сигналом, что на нем океанографическая экспедиция). - Что у них стряслось?

"Аметист" подошел к кораблю, насколько позволяло волнение, развернулся лагом, и хорошо говоривший по-английски Ганешин взялся за

рупор. Из отрывистых слов, заглушаемых плеском волн в борта и подсвистом ветра, советские моряки быстро уяснили себе трагическую суть происшедшего. Батисфера - стальной шар, недавно построенный для изучения больших глубин, - с успехом сделала несколько спусков. При последнем спуске оборвался подъемный канат вместе с электрическим кабелем, и стальной шар остался на глубине около трех тысяч метров - наибольшей, на какую он был рассчитан. Батисфера снабжена парафиновым

поплавком и должна всплыть самостоятельно при обрыве кабеля, как только прекратится ток, питающий электромагниты. Магниты перестают

притягивать тяжелый железный груз, и батисфера всплывает. Но на этот раз не всплыла. В ней два человека: инженер, построивший батисферу, Джон Милльс, и ученый-зоолог Норман Нурс. Запас воздуха - на шестьдесят часов. Уже сорок восемь часов идут безуспешные попытки нащупать батисферу и зацепить гаками за специально сделанные на ней скобы. Если шар цел и исследователи в нем живы, им осталось воздуха только на двенадцать - пятнадцать часов...

Советские моряки молча стояли на мостике. Большая грузовая стрела американского судна, вынесенная за борт, кивала своим носом, как будто показывая на волны, поглотившие стальной шар.

- Похоже, их дело труба, Леонид Степанович, - тихо сказал Щитов.

- Разве нащупаешь на трех километрах в открытом море! Без берегов пеленговать не на что... Да, не хотел бы я быть там...

Ганешин, не отвечая, хмурился, поглядывая на "Риковери".

- Федор Григорьевич, дайте мне шлюпку, - неожиданно сказал он.

Щитов увидел его тяжелый, настойчивый взгляд.

Американцы заметили танцующую на волнах шлюпку и быстро спустили

трап. На мостике Ганешина окружили. Его спокойные и решительные глаза,

смотревшие из-под козырька военной фуражки, прикрытой желтым капюшоном, притягивали к себе измученных борьбой людей.

- Кто начальник? - негромко спросил Ганешин.

- Я помощник начальника, капитан судна Пенланд, - ответил стоявший против Ганешина американец. - Начальник там. - Пенланд указал на море.

- Разрешите задать несколько вопросов, - продолжал Ганешин. - Извините за краткость, нужно спешить, если мы хотим...

- Вы хотите помочь нам? - звонким голосом спросил кто-то.

- Да. Но не перебивайте меня, - сухо добавил Ганешин, - я говорю с командиром.

- Слушаю вас, - быстро ответил американский капитан.

- Сколько у вас тралящих тросов?

- Два.

- Какой длины трос остался на батисфере?

- В том-то и несчастье, сэр, что канат оборвался около самого места своего прикрепления на шаре. Захватить за него нечего рассчитывать, только за скобы.

- На батисфере есть радио?

- Есть, но не работает, питание было только от кабеля.

- По вашим расчетам, у них воздуха еще на двенадцать часов?

- На двенадцать - пятнадцать. Это все, сколько они могут протянуть при самой жесткой экономии.

- Да, положение очень серьезное. А что вы думаете делать дальше?

- Продолжать теми же средствами - пока ничего не поделаешь. В бухту Макдональд, на Агатту, прилетят два самолета. Утром они будут здесь и привезут усовершенствованные захватные приспособления. В день

катастрофы по радио вызвано военное судно, оборудованное тралом-индикатором для отыскания батисферы электромагнитным способом.

Оно идет со всей возможной скоростью и может быть здесь завтра. Это, собственно, наша последняя надежда, - заключил капитан Пенланд, зачем-то понижая голос и приближаясь к Ганешину. - Вместе с нами тралили еще два военных судна, сейчас они ушли в бухту Макдональд.

- Благодарю вас, капитан. Надеюсь, нам удастся помочь вам. Будьте любезны показать ваши лебедки и подъемные приспособления.

Ганешин с Пенландом спустились на обширную палубу, загроможденную бухтами тросов, с огромной лебедкой в центре. Качающаяся вместе с мачтой электрическая лампа освещала нагромождение самых разнообразных предметов.

- Мне кажется, положение безнадежно, сэр, - быстро сказал капитан Пенланд, едва они удалились от мостика. - Посудите сами: чудовищная глубина, открытое море, никакой возможности ни пеленговать, ни бросить буюк... Я делаю что могу, двое суток не уходил с палубы. Там, на мостике, жена Милльса, гидрохимик нашей экспедиции. Я не хотел при ней высказывать свое мнение.

Ганешин вспомнил стремительный вопрос, почти вскрик на мостике.

- Это она спрашивала меня? - И получив утвердительный ответ, пожалел о резкости, с которой оборвал говорившую. - Наметим с мостика примерный район нахождения батисферы, и я буду благодарен вам за полную информацию... Еще вопрос, капитан, - помолчав, сказал Ганешин, в то время как они осторожно пробирались по заваленной палубе: - Зачем вашим исследователям понадобилось опускаться здесь, в открытом море?

- Видите ли, здесь одно из редких мест, оно изобилует крутыми скалами, и коренные породы совершенно обнажены от наносов. Одной из задач наших исследований является изучение коренных пород в глубинах океана. Только пока что-то не получается.

Ганешин ничего не ответил. Он легко взбежал по ступенькам на мостик:

- Сейчас мы примемся искать, поставим буюк...

- Как буюк? - сразу послышалось несколько голосов.

- Увидите! - Ганешин скупно улыбнулся и поднял руку, но был остановлен маленькой рукой, притронувшейся к его рукаву.

Моряк обернулся и увидел огромные, сильно блестящие глаза, смотревшие с мучительным напряжением.

- Сэр капитан, скажите мне прямо: есть надежда спасти их? Вы сможете это сделать?

Ганешин серьезно ответил:

- Если батисфера цела, надежда есть.

- Боже мой!.. - воскликнула американка.

Но Ганешин мягко перебил:

- Простите меня, время не ждет, - и обратился ко всем стоявшим на мостике: - Советское гидрографическое судно "Аметист" немедленно примет меры для спасения. Это, разумеется, не исключает вашей работы, но сейчас, если вы согласны довериться нам, я прошу на время отойти от места погружения батисферы. Я располагаю приборами, крайне важными для

настоящего случая, однако основной прибор находится во Владивостоке. Я вызову скоростной самолет. Раньше чем через пять-шесть часов он не сможет прибыть - слишком велико расстояние. За это время попытаемся найти батисферу и отметить ее место буйком, что сильно облегчит спасательную работу по прибытии самолета, когда времени у нас будет всего семь часов. Поднимать батисферу придется вам, у нас нет таких мощных лебедок и тросов. Все. Дайте сигнал нашему судну, чтобы погасили прожектор, и зажгите свой. Я возвращаюсь на "Аметист".

В прожекторе "Риковери" невидимый раньше за ослепительным сиянием

"Аметист" вдруг показался во всем своем белоснежном великолепии. Острый очерк корпуса, легкость надстроек сочетались с мощностью отогнутых назад труб - признаком силы машины.

- Это гидрографическое судно? - вскричал капитан Пенланд. - Да это лебедь!

Действительно, белый, блестящий огнями корабль походил на громадного лебедя, распростершегося на воде перед взлетом.

- Это военное гидрографическое судно, - подчеркнул Ганешин, поднес руку к козырьку и пошел с мостика.

Его шлюпка быстро понеслась по широкому световому коридору. Американские моряки молча смотрели ей вслед, слегка озадаченные как появлением Ганешина, так и его уверенными распоряжениями.

- Это, должно быть, важное лицо у русских, сэр, - проговорил наконец помощник капитана. - И если он сумеет спасти батисферу...

- Не знаю, спасет ли, - ответил Пенланд. - Но вы посмотрите на их корабль!

Прежнее молчание воцарилось на "Риковери", только настроение было уже другим. Безотчетно верилось, что белый прекрасный корабль, так неожиданно выплывший из океанской ночи, и этот человек с умными, упрямыми глазами, дружески протянувший руку помощи, действительно сумеет помочь.

Между тем Ганешин, не теряя времени, вместе с Щитовым направился в радиорубку. Взыл умформер, замелькали огоньки неоновых ламп, над тысячами километров океана понеслись условные позывные. Долго-долго

стучал ключ, пока радист не повернул к офицерам вспотевшее лицо:

- Владивосток отвечает.

- Ну, сейчас решится судьба тех двух бедняг, - обернулся к Щитову Ганешин. - Если удастся вызвать командующего... А вдруг он в отъезде?

Ключ стучал, умолкал, в ответ слышался характерный треск морзе, снова радист работал ключом, и снова Ганешин напряженно прислушивался

к скачущему сухому языку аппарата. Ждали и покачивающийся рядом

корабль, и те двое, запертые в стальном гробу на дне океана, и уже загоревшийся желанием спасти американцев экипаж "Аметиста"...

В штабе сообщили, что адмирал в море, на своем корабле. В безмерную даль полетели позывные мощного нового линкора. Где-то в пространстве они нашли антенны грозного корабля.

- Наконец-то! - облегченно вздохнул Ганешин.

Ключ коротко, точно и ясно простучал просьбу и замолк. Несколько минут напряженного ожидания - и в треске тире и точек моряки услышали:

"Даю распоряжение, желаю успеха".

Теперь все было просто.

Щитов повел свой корабль на противоположный край района предполагаемого нахождения батисферы.

- Приготовить глубоководный буй, две тысячи семьсот метров! - скомандовал помощник.

Мгновенно зацепили гак и вывалили за борт тускло блестящий снаряд, похожий на авиационную бомбу. Матрос дернул линь, гак выложился, и снаряд почти без всплеска исчез в зеленоватой черноте моря. Через четверть часа и пятьдесят секунд, по секундомеру помощника, над волнами в свете прожектора "Аметиста" выскочил слегка

дымящийся предмет, раскрылся, подобно зонту, и маленький белый купол

лег на воду. Советский корабль просигналил "американцу" просьбу держаться на плавучем якоре и застопорить машину.

- Я хочу избежать малейшего резонанса из винтов, - пояснил Ганешин мичману, становясь сам у эхолота и неторопливо поворачивая различные верньеры регулировки.

- Разрешите спросить... - робко начал мичман. - Неужели вы думаете эхолотом нащупать батисферу?

- Конечно. Разве вы не знаете, что еще довоенные чувствительные эхолоты обнаруживали потонувшие корабли? Например, хьюзовский эхолот

так прямо и вычертил эхографом контур "Лузитании", даже вышло расположение надстроек. И это на глубине в пятьдесят фатомов...

Размеры батисферы, сообщенные мне американцами, конечно, несравнимы с

"Лузитанией": шар три метра, сверху грибовидный поплавок двухметровой

высоты. Но ведь наш эхолот гораздо чувствительнее и излучает поляризованно...

- А... глубина? - осторожно возразил мичман.

- А точность регулировки? - в тон ему ответил шутливо Ганешин и

снова склонился над шкалой, заглядывая в таблицы океанографических разрезов.

Американцы, непрерывно следившие за советским кораблем, видели, как он то появлялся в полосе света, то снова исчезал, показывая красный или зеленый огонь.

- Смотрите, они ставят буйки! - оживленно заговорил помощник, когда на втором повороте "Аметиста" перед носом "Риковери" закачался белый грибок.

- Очевидно, изобрели буй для глубин. Такие штуки давно употреблялись в подводной войне, и тут все дело в прочности лinya. Они добились этой прочности, вот и все. Очень просто.

- Все вещи просты, когда знаешь, как их сделать! - буркнул помощник в ответ своему капитану.

Час за часом белый корабль бороздил небольшую площадь моря между четырьмя накрест поставленными буйками. Ветер стих, поверхность воды

стала маслянистой, гладкой. У запертых в батисфере осталось воздуха на десять часов. Снова тяжелая безнадежность нависла над американским кораблем. Но все собравшиеся на мостике и на палубе не отрывали глаз от "Аметиста", как будто само их горячее желание могло помочь ему в поисках. Вот "Аметист", показав зеленый огонь, опять повернулся к "Риковери" и пошел у самого левого края обозначенной буйками площади.

Советский корабль все приближался, острый нос его вырастал, еще сотня метров - и опять безнадежный поворот к северу. Вдруг едва внятный шум машины на "Аметисте" прекратился. В безмолвии ночи было слышно даже,

как прозвенел телеграф, донесся громкий голос капитана, отдавшего какую-то команду. В незнакомой плавности русской речи было понятно одно слово: "буй".

- Нашли... они нашли! - вскрикнула, вся затрепетав, жена инженера Милльса.

На американском судне заспорили, и это как нельзя лучше показывало оживление смертельно уставших людей. Но тут, поднимая, как

на крыльях, и обещая так много, уже знакомый им голос с "Аметиста" спокойно сообщил в мегафон:

- Батисфера найдена!

Полсотни человек на палубе "Риковери" ответили радостным криком.

В штурманской рубке Ганешин набивал трубку, полузакрыв перенапряженные глаза. За четыре часа поисков лента эхографа покрылась

серией кривых, сменявших одна другую, но ни один выступ не нарушал гладкой линии скального профиля. Корабль двигался очень медленно,

однообразие получаемых результатов усыпляло внимание, и нужно было все время поддерживать бдительность волей. Недалеко от очередного поворота перо эхографа, до сих пор шедшее плавно, подскочило, и крошечная дужка едва приподнялась над ровной линией.

- Есть! - радостно вскрикнул Ганешин.

Помощник стрелой метнулся к мостику. Звякнул два раза телеграф - "стоп" и "назад". Щитов прокричал:

- Буй, две тысячи восемьсот метров!

И тяжелая бомба рухнула с левого борта.

- Ура, повезло! - поздравил изобретателя Щитов, зайдя несколько минут спустя в рубку.

- Ну, не очень, - устало отозвался Ганешин, - четыре часа крутились... Времени осталось мало, но нужно ждать. Я тут на диване поваляюсь, пока самолет...

В дверях появился помощник:

- Американцы спрашивают: может быть, им начать попытки зацепить батисферу сейчас же?

Щитов посмотрел на Ганешина. Тот, не открывая глаз, ответил:

- Конечно. В таком положении нельзя пренебрегать ни одним шансом.

"Аметист" уступил свое место у буя американскому судну. Отойдя на несколько кабельтовых, он плавно покачивался, будто отдыхая. И в самом деле, уставшие моряки разошлись по каютам, оба командира устроились в

рубке. Только вахтенные смотрели в сторону американского судна. Там слышался лязг лебедок, свист пара и скрежет тросов: американцы снова действовали, зараженные удачей советских моряков.

Ганешин и Щитов проснулись одновременно от шума самолетов.

- Нет, не наш, - определил Щитов.

Светало. Сырость и холод забирались под одежду, подбодряя невыспавшегося капитана. С мостика море казалось необычайно оживленным: у бортов "Риковери" ныряли, качаясь, два самолета, а немного поодаль стояли два военных судна - длинный серый высоконосый крейсер и приземистый сторожевой корабль.

- Население увеличивается, - усмехнулся Ганешин. - Сейчас должны быть и наши. Проедусь-ка я к американцам, посмотрю, что и как...

На этот раз еще при подходе шлюпки с борта "Риковери" раздались приветственные крики. Однако лица встретивших Ганешина людей были серы

и невеселы. В течение трех часов работы захватить батисферу так и не удалось, не удалось даже ни разу зацепить ее тросом. Для спасения находившихся в глубине океана осталось семь часов.

- Судно с тралом-индикатором еще не пришло, - говорил капитан

Пенланд Ганешину, - но оно сейчас уже менее нужно после вашего замечательного вмешательства. Как захватить батисферу на этой проклятой, невысказанной глубине? Тросы, должно быть, отклоняются... возможно, какое-нибудь течение в глубоких слоях воды. Бук ведь тоже не дает точного места...

- Может отклоняться, - поддержал Ганешин, покосившись на приближавшуюся к нему жену Милльса.

Он повернулся к молодой женщине, приложив руку к фуражке. Глаза американки под страдальчески сдвинутыми бровями встретили его взгляд с

такой надеждой, что Ганешин нахмурился.

- Мы работали все это время... - Слезы и боль звучали в словах молодой женщины. - Но ужасная глубина сильнее нас. Теперь я надеюсь только на ваше вмешательство... - Она тяжело перевела дыхание. - Когда же вы ждете ваш самолет?

Ганешин поднял руку, чтобы взглянуть на часы, и вдруг громко и весело сказал:

- Самолет? Он здесь!

Все подняли вверх головы. Самолет, вначале неслышный за грохотом работающей лебедки, снижался, потрясая небо и море ревом моторов. "Пикирует для скорости", - сообразил Ганешин.

Узкая машина, несшая высокие крылья, взбила водяную пыль, повернулась и вскоре, смирная и безмолвная, покачивалась возле "Аметиста". Утренний туман, словно испуганный самолетом, расходился.

Высоко вознесся голубой небосвод. Солнце заиграло на тяжелых, маслянистых волнах, осветило белоснежный корпус "Аметиста", засверкало

сотнями огоньков на медных, ослепительно надраенных частях.

Ганешин

перевел взгляд с самолета на "Аметист" и, улыбаясь, сказал американцам:

- Сейчас мы увидим батисферу.

Женщина, подавив восклицание, сделала шаг к Ганешину. Тот, угадывая ее мысли, добавил:

- Если хотите, я с большим удовольствием... Сейчас поедем.

Ганешин попросил капитана Пенланда подождать установки телевизора, а после нахождения батисферы немедленно сблизиться с советским кораблем и действовать по его сигналам.

В это время на "Аметисте" механик, размахивая ключом, держал речь к машинистам и монтерам.

- От скорости установки привезенной машины, - говорил он, - зависит спасение людей, у которых на шесть часов воздуха. И еще: если мы их спасем - это будет чудо, сделанное руками советских моряков.

- Еще бы не чудо! Я водолазом работал, понимаю, что значит с трех

километров такую козьявку достать, - ответил один из машинистов. - Справимся, я так думаю...

Капитан Щитов не удивился появлению гостя. Ее пригласили в рубку, и Щитов немедленно прикомандировал к ней мичмана, владевшего английским языком. Жена инженера Милльса рассеянно слушала его объяснения и часто поглядывала в окно рубки, откуда можно было видеть кипевшую на палубе работу: там свинчивали какие-то станины, тащили провода, выгружали из самолета ящики.

На минуту в рубку заглянул Ганешин. Молодая женщина сейчас же бросилась ему навстречу:

- О, простите меня, но ваш прибор, кажется, очень сложен. Его могут не успеть собрать, ведь... - И она молча показала на большие часы, ввинченные в переборку.

- Еще шесть с половиной часов в нашем распоряжении, - ответил Ганешин. - Прибор действительно сложен, но наши моряки, если захотят, сделают эту - не скрою - невероятно трудную работу. А они хотят... Верьте нашим морякам, миссис Милльс, вы можете им довериться.

Для молодой женщины снова потянулось мучительное ожидание. Если бы она могла помочь в приготовлении этого таинственного аппарата... Страшный рев оглушил ее. Для натянутых нервов молодой женщины это было слишком.

- Боже мой, что это такое? - В изнеможении она прислонилась к переборке.

- Гудок. Он у нас в самом деле очень силен, - деловито пояснил мичман. - Это "Аметист" дает сигнал, что аппарат готов и поиски начинаются.

Мичман не ошибся. Сейчас же явился Щитов и пригласил жену Милльса

вниз. Телевизор был временно установлен в темной лаборатории. Глубоководная часть аппарата раскачивалась на вынесенной за борт стреле, огромная катушка троса и кабеля была вставлена в лебедку. Корабль медленно шел к буйку, обозначавшему место батисферы.

- Опускать? - обратился Щитов к показавшемуся на палубе Ганешину.

- Пожалуй, пора.

- А ты не боишься?

- Чего?

- Ну, мало ли чего... Аппарат только что собран, наскоро установлен - вдруг откажет! Я и то волнуюсь...

- Нет, много раз испробован, испытан. Спускай смело, побыстрее...

Телевизор быстро скрылся в волнах, а кабель сбегал еще долго через счетчик катушки, пока чудесный "глаз" не достиг, наконец, нужной глубины. Трос присоединили к амортизатору, смягчавшему качку судна, и

в тот же момент в темноте лаборатории Ганешин включил ток. Жена Милльса, вне себя от волнения, смотрела на овальную пластинку экрана, которая вдруг из черной превратилась в прозрачную, пронизанную голубоватым сиянием. Ганешин бросал непонятные американке отрывистые

слова Щитову, от него команда передавалась на палубу, к лебедке.

Как только телевизор был установлен на высоте пятнадцати метров над дном, Ганешин стал нажимать две белые кнопки справа от экрана. Там, внизу, маленькие винты заработали, поворачивая аппарат. В голубом

свете экрана показалась черная тень, и сразу стало понятным, что эта светящаяся голубизна - прозрачная глубинная вода, в которой тончайшая мусть осадка носилась роем крошечных серебристых точек, отражая и рассеивая свет. Вид океанского дна на экране телевизора был необычен. Человек, попавший на другую планету, наверно, был бы так же поражен и не способен понимать видимое. Один Ганешин, освоившийся с видом океанских глубин при прежних испытаниях своего "глаза", осторожно направлял аппарат. Черный, слегка клубящийся от мути горб слева был плоским выступом скалистого дна. Дальше к северу дно чуть-чуть понижалось, потому что красноватый отсвет дна впереди исчезал, отрезанный тем же серебристым голубым сиянием.

Манипулируя разными рычажками, Ганешин менял границу резкого

изображения, одновременно медленно поворачивая прибор, и соответственно менялось изображение на экране. Сначала вдали возникла

черная стена, которая приобретала красный оттенок под усиленным светом

прожектора, затем в ней начали выделяться подробности: косая огромная трещина, выпуклый выступ... Но тут телевизор повернулся, и мрачные скалы утонули в сияющей голубизне прежнего освещения. В глубине экрана

показались туманные острые зубцы, они стали резче, но, приближаясь и становясь отчетливее, терялись своим основанием в сине-черной темноте заднего плана.

- Предел освещения, - пояснил Ганешин, - около километра.

Высокие зубцы подводной каменистой гряды смотрели мрачно, едва выделяясь среди вечной тьмы подводного мира. Телевизор обошел полный

круг - везде простиралось бугристое скальное дно, прикрытое слоем ила, блестящего в лучах осветителя, как алюминиевая пудра. Вид океанских глубин вызывал ощущение чего-то враждебного, таившегося в глубочайшем

мраке, окружавшем поле зрения телевизора. Это был чуждый земной поверхности грозный мир безмолвия, тьмы и холода, неподвижный,

неизменный, лишенный надежды и красоты.

Батисферы нигде не было видно. "Неужели промахнулись буюм так сильно? - мелькнуло в голове Ганешина. - На полкилометра! Ясно же, она должна лежать в этой впадине!" Ганешин стал наклонять объективы аппарата вниз. Смутное темное пятно появилось с края рамки. Ганешин быстро повернул рычажок. Пятно передвинулось в середину,

приблизилось

и вытянулось. Неясные края его стали резкими. Черный цвет опять стал казаться красным... Молодая женщина за спиной Ганешина слабо вскрикнула, сейчас же зажав рот рукой. Яйцеобразный аппарат, наклонившись, стоял в центре рамки, казавшейся теперь прозрачным стеклом. Четкость изображения была настолько велика, что ясно виден был свисавший сверху кусок оборванного троса, толстые петли спасательных скоб и отсвет на иллюминаторе, который смотрел на моряков, как блестящий гранатово-красный загадочный глаз.

- Иллюминаторы у батисферы со всех четырех сторон, значит, они уже видят нас, - объяснил Ганешин жене Милльса. - Сейчас самое главное - посмотрим, живы ли... - Ганешин поспешно поправился: - ...попробуем поговорить с ними.

Он щелкнул чем-то и положил длинные пальцы на кнопку. Соответственно движениям пальцев экран гас и вспыхивал снова. Присутствующие сообразили, что, гася и вновь зажигая осветитель, Ганешин посылал в окно батисферы световые сигналы морзе. Много раз

повторив один и тот же вопрос, Ганешин выключил свет и замер в ожидании ответа перед погасшим экраном. Все собравшиеся в тесной каюте

затаили дыхание, сдерживая волнение решающей минуты. Она прошла

-

экран оставался черным. Медлительно и зловеще потянулась вторая минута, и тут в темноте экрана возник яркий бирюзовый огонек, исчез, вспыхнул ярче и разлился широким синим кругом - безмолвный ответ, принесенный светом со дна океана.

- Живы! Передайте на "РикOVERи", пусть подходят зацеплять батисферу! - радостно закричал Ганешин, В это время синий свет замигал подобно сигнальному фонарю. - Они говорят... - обернулся Ганешин к жене Милльса, но услышал вздох и мягкое падение тела.

- Отнесите в рубку, врача к ней! - обратился Щитов к подбежавшим людям. - Не выдержала, бедняжка. Почти трое суток... Ну, что там? - обратился он к Ганешину.

- Передают, что оба живы, экономят кислород как могут, но больше двух часов не протянут. Батисфера в порядке, не отделился груз... - читал мелькавшие на экране вспышки Ганешин. - "Не можем понять, как..." Не поймете, подождите, - вслух отозвался моряк и услышал гудок американского судна.

Спуск тросов с захватами уже начался. Синий круг на экране погас, и сейчас же замигал прожектор телевизора. Ганешин передал запертым в батисфере людям о принимаемых мерах к спасению.

Еще час прошел в непрерывном наблюдении в окно телевизора. Свистки, крики в мегафон, шум машины американского судна, шипенье пара и грохот лебедек разносились над морем. А людям в батисфере оставался еще час жизни - шестьдесят минут, - когда уже почти шестьдесят часов усилий сотни людей не дали результата.

Незаметно и внезапно подошла победа. Огромные храпцы, опускавшиеся с "Риковери" по указаниям Ганешина, ухватили за боковую скобу, громко рявкнул гудок "Аметиста", и в тот же миг машинист на лебедке "Риковери" переставил муфту на обратный ход. Медленно вышла слабина громадного, в руку толщиной, троса, барабан закрипел от напряжения: гибкий стальной канат, сплетенный из двухсот двадцати двух проволок, вместе с батисферой весил шестьдесят тонн - в три раза больше допустимой рабочей нагрузки.

Трос выдержал. В голубом сиянии экрана телевизора батисфера качнулась, выпрямилась, дернулась вверх и медленно начала подниматься.

Ганешин, вращая объективы, некоторое время следил за ней, пока она не скрылась, выключил ток, зажег свет в лаборатории и, постояв немного, чтобы привыкли глаза, вышел на палубу. Телевизор был более не нужен. Все внимание сосредоточилось теперь на лебедке "Риковери", медленно извлекавшей из глубины непомерную тяжесть. Капитан Пенланд неотрывно смотрел на аккуратно ложившиеся на барабан витки, вычисляя в уме скорость подъема - сорок минут оставалось до рокового срока. "Не успеем, задохнутся..."

Взяв на свои плечи смертельный риск, Пенланд приказал ускорить подъем. В напряженном молчании лебедка застучала чаще, барабан стал вращаться быстрее. Прошло еще несколько минут. Острый свист пара рассек вдруг однообразный шум лебедки. Лебедка сделала несколько быстрых оборотов; мгновенно побледневший машинист перебросил рычаг на "стоп". "Трос!.." - испуганно выкрикнул кто-то. Ужас приковал людей на обоих судах к месту и заставил одним движением вытянуть шеи, вглядываясь за борт. Пенланд мгновенно вспотел, во рту пересохло, мысли разбежались. Он не мог командовать, да и не знал, что скомандовать. Но тут из медленного колыхания волн быстро выскочил огромный голубой яйцообразный предмет, исчез в столбе брызг и через секунду плавно закачался в белом кольце пены.

Это внезапно отделился груз батисферы, она рванулась кверху, и храпцы автоматически раскрылись, освободив аппарат от тяжести троса. Люди разразились победными кликами, сейчас же покрытыми могучим ревом

четырех гудков. Суда бросали в простор океана весть о новой победе человеческого разума и воли.

Ганешин стоял, расставив ноги, и пристально смотрел на спасенную им батисферу. Щитов положил свою тяжелую руку на его плечо:

- Леонид Степанович, адмирал спрашивает о результатах.

- Сейчас иду. Ты распорядись поднимать телевизор... А как наша гостья?

- Я отправил ее назад, там она нужнее, - улыбнулся Щитов. - Она так и смотрела во все стороны, видимо, искала тебя - благодарить.

Ганешин слабо махнул рукой и направился в радиорубку. Батисферу уже буксировали к "Риковери". Выходя из радиорубки, Ганешин снова увидел Щитова.

- Я тебе вот что хочу сказать, - строго и серьезно произнес Щитов, - насчет твоего телевизора. Я его напрасно ругал... - Дальнейшие слова его были заглушены ревом моторов нашего самолета,

взмывшего в высоту.

Ганешин крепко пожал протянутую ему руку приятеля.

- Что дальше будем делать? - спросил Щитов.

- Как - что? - удивился Ганешин. - Закончим подъем телевизора и пойдем своей дорогой.

- А разве ты к ним не поедешь? - воскликнул капитан. - Я и шлюпку приказал не поднимать.

- Нет, не поеду.

- Вот диво! Разве не интересно посмотреть на спасенных, расспросить? Они ведь тоже изучают дно...

- Конечно, интересно, но, понимаешь... - Ганешин шутливо сморщился: - Ведь будут благодарить... Жена инженера смотрела такими глазами... А мы сейчас дадим ход и удерем.

На судне американской экспедиции были заняты подъемом и отрыванием батисферы и не заметили, как советский корабль быстро поднял шлюпку и телевизор. "Аметист" запросил о здоровье спасенных, получил ответ, что "слабы, но вне опасности", развернулся и начал набирать ход. Американцы с недоумением смотрели на действия "Аметиста"

и только тогда, когда на фалах нашего судна взвился сигнал традиционного прощания, поняли, в чем дело. Сигнальщик с "Риковери"

отчаянно замахал флажками, но "Аметист" увеличил ход, и только мощный

гудок и махавшие бескозырками матросы посылали дружеский прощальный привет. Спасенные исследователи, офицеры и матросы, как один человек, смотрели вслед белому кораблю, становившемуся все меньше и меньше в солнечной дали. Внезапно гулкий грохот орудий раскатился над зелеными волнами: крейсер дал салют удалявшемуся "Аметисту". Опять и опять гремели орудия. В ответ на "Аметисте" взвились звезды и полосы Америки.

Советское судно как ни в чем не бывало шумело винтами, рассекая тихоокеанские волны. Ганешин наблюдал за уборкой телевизора, мечтая о мягкой койке: спасение американской батисферы далось ему не даром. С мостика послышался голос Щитова:

- Леонид Степанович, иди-ка, вызывают американцы. - В словах капитана звучала дружеская насмешка. - Техника тебя все равно достанет, даже из глубины океана.

Американцы вызывали "Аметист" по имени, без позывных, и название драгоценного камня настойчиво звучало в эфире. Радиоаппарат выстукивал любезные слова благодарности, просьбу сообщить фамилию командира, руководившего спасением, восхищение беспримерной работой русских моряков, чудесным изобретением. В сухое потрескивание радио с "Риковери" вдруг вмешалось резкое щелканье позывных "Аметиста", характерное для мощной радиостанции нового линкора. Радист простучал ответ, и Ганешин выслушал четкие сигналы, славшие привет американской экспедиции и поздравления личному составу "Аметиста". Особенное удовольствие адмирал выражал Ганешину. Ответив командующему, Ганешин приказал радисту:

- Передайте на "Риковери" начальнику американской океанографической экспедиции Милльсу: "Командующий советским Тихоокеанским флотом только что передал вам поздравление со спасением и пожелания дальнейших успехов в вашей отважной работе".

Через пять минут Ганешин крепко спал у себя в каюте.

* * *

Осенний владивостокский дождь лил нескончаемыми потоками, хлестал в высокое окно кабинета Ганешина. Моряк перечитывал, собираясь

отвечать, письмо от обоих спасенных им полтора месяца назад американских ученых. Догадливые люди направили письмо на имя командующего с просьбой передать Ганешину, разыскать которого не составило для адмирала затруднения.

"Только тот, кто провел в безнадежности и отчаянии шестьдесят часов на недоступном дне океана, может понять, что сделали вы, - писали ученые. - Несколько часов изо всех сил мы пытались отделить с помощью винтового пресса присосавшийся груз, задыхаясь и обливаясь потом в ледящем холоде батисферы. Нельзя передать, что пережили мы,

уже впадая в тупое безразличие перед лицом неотвратимой судьбы, когда увидели свет в иллюминаторах и поняли ваши сигналы. С этой незабываемой минуты мы живем с твердой верой в безграничную силу человека, в его светлое будущее, в то, что нет одиночества даже в самых смелых, еще не понятых миром исканиях..."

Перечитав письмо, Ганешин начал писать ответ. "На вопрос, как я достиг таких результатов в завоевании океанских глубин, мне трудно ответить. Пожалуй, главное здесь было в точной направленности поставленных задач и, конечно, в огромных материальных возможностях.

Первое дал мне наш старый ученый, который несколько лет назад призывал нас, моряков, помочь науке найти "глаза" и "руки", которые могли бы достать океанское дно. Он же показал нам, на что способен человек в борьбе с морем, рассказав о замечательном атолле Факаофо. Второе дала мне родная страна.

Я только развил идею, отказавшись пока от необходимости опускать человека в пучины океана и заменив его прибором, не нуждающимся в воздухе и не боящимся страшного давления. Так возник мой телевизор - "глаз" человека, опущенный на дно, таковы будут мои бурильные приборы

для взятия коренных пород со дна океана - эти протянутые на дно "руки". Вспомните глубоководных животных. Некоторые из них обладают

глазами на длинных стебельках; вот что натолкнуло меня на мысль использовать телевизор..."

Ганешин писал еще некоторое время, задумался, потом быстро закончил: "Поэтому я считаю, что ваша благодарность должна быть направлена не мне лично, а моей стране, моему народу. Поддержка, помощь правительства, огромного коллектива флота, разных людей, от ученого до слесаря, - всего, одним словом, что является для меня моей Родиной, - привели к тем достижениям, которые показались вам почти сверхъестественным могуществом. И это только начало, мы будем продолжать..."

Ганешин кончил письмо, встал и подошел к окну. По стеклам

струилась вода, сквозь которую, будто очень далекий, виднелся поросший дубами скалистый мыс.

1944